

ВЕЧНАЯ ДЕВУШКА

Начиналась вторая пасхальная неделя. Храм сиял радостной красотой праздничного убранства и блаженством прихожан, дождавшихся, наконец, светлого торжества. Красные и желтые свечи горели у иконостаса, подрагивая теплом легкого огня, священники улыбались совсем по-детски, и была во всем этом сиянии какая-то удивительная и нерушимая свобода, словно в доме довольного и любящего Отца.

Воскресная служба текла неторопливо, но совсем не в тягость, короткие поклоны и душевные молитвы выдавали всеобщее благодушие, а старушки у свечного ящика и вовсе были похожи на родных бабушек, подававших детям свечки с таким видом, будто это были не тающие в ладошках свечечки, а леденцы на палочке.

Церковный хор был бесподобен: ажурные переливы, восходящие и нисходящие ноты брались без видимых усилий, женские и мужские голоса сливались в гармонии, и сам хор пел, слегка покачиваясь от удовольствия.

Мое внимание привлекла одна из девушек в цветистом платке, стоявшая на краю клироса. Она светилась настоящим счастьем, и я, близорукими глазами уловивший что-то необыкновенное в этом светлом, но смутном облике, ступил вправо и чуть ближе, чтобы тайно разглядеть приглянувшуюся мне певунью.

Ее овальное лицо с широко расставленными искрящимися

глазами с удлинёнными восторженными ресницами, с высокими тонкими дугами черных бровей, узким, слегка курносом носом, пухлыми, но ровными губами и маленьким подбородком – было как будто не до конца оформленным, но удивительно прекрасным. Сердце мое стукнуло в груди коротким сладостным стоном и окатило горячей волной, растекаясь в крови неутраченной нежностью.

Более всего поразил ее взгляд, направленный не на регента и не внутрь себя, а словно в невидимый мир, который почему-то зовется райскими кущами. Девственная чистота этого взгляда была несомненной – она вдребезги разбивала грешные мысли, настраивая чувства на тихое целомудренное любование нетронутой женственностью.

Я с нетерпением стал ждать крестного хода, чтобы увидеть ее всю. Во мне горело не любопытство, а желание художника завершить портрет, удостовериться, что эта немислимая красота существует наяву, живет в человеческом теле, двигается, улыбается, смеется, поет... В какой-то момент я почувствовал, что растворяюсь в этом восхищении, и с силой заставил себя отвести взгляд.

Служба подошла к своей вершине. Самые главные молитвы произносились с длинными паузами, христиане сосредоточенно повторяли про себя прошения, известные только им и Богу, шеве-

ления почти прекратились. Немного погодя своды храма огласил возглас: «Отче наш!..» - и все затихло в предвкушении причастия, лишь однообразный голос пономаря, читающего покаянный канон, продолжал одиноко звучать среди всеобщего ожидания. Юные матери с младенцами торопливо шли к праздничной иконе, ряды прихожан расступились, пропуская работницу храма, осторожно несшую в руках поднос с теплотой.

Теперь я мог свободно смотреть по сторонам, но смелость вдруг исчезла, стало казаться, что все почудилось, и я не стал глядеть на девушку, так взволновавшую меня.

«Тело Христово примите, Источника Безсмертного вкусите», - пел хор, но я продолжал смотреть в пол, ощущая свое трепещущее сердце.

Последний причастник поцеловал край чаши, священник удалился в алтарь, и его помощники стали сновать среди прихожан, выбирая тех, кто понесет иконы и хоругви. Наконец все были определены, поставлены как надо, и ход начался.

Хор двинулся первым. Я поднял глаза, нашел среди певчих поразившую меня незнакомку - и чуть не потерял сознание: она оказалась горбуньей!

Да-да, небольшой горб, больше похожий на неоперившееся крыло ангела, возвышался над спиной, совсем не двигаясь, в отличие от ее стройной фигуры в белом облегающем платье. Она радостно шла, продолжая звонко петь, а я шатнулся вслед за ней, не веря собственным глазам.

Как же так?!.. Неужели это возможно? Неужели самая великая и непостижимая красота может жить только в таком обрамлении?!

Я продолжал шагать за праздничной толпой, стоял во время чтения Евангелия, но почти ничего не слышал, ощущая на своем лице брызги святой воды как слезы разбитого счастья...

Какое-то новое чувство стало подниматься внутри меня, направляя мысли вверх, к высшему смыслу, к божественному, а не к человеческому началу. Я стал просить Бога о вразумлении, о том, чтобы Он открыл мне тайну происшедшего... - и услышал ответ!

Он не был голосом, он оказался сердечным признанием самому себе: «А что ты хотел увидеть?.. Девичье лицо и тело, даже прикрытое наглухо, все равно кажется мужчине желанным. А теперь твое любопытство исчезло? Что же осталось?»

Я вынужден был признать: восторги мои утихли, теплая волна сменилась ровным ходом отрезавшего сердца, внутренняя дрожь прекратилась, осталось нечто воздушное, легкое... Еще раз взглянув на незнакомку, я уже не ощутил томного ожидания - лишь тонкая грусть пела во мне.

Из храма я ушел, уверенный, что этот случай - наваждение, мираж, ошибка... Но прошла весна, ярко засияло лето, а из памяти моей так и не исчез ее взгляд. И я понял, что таких чистых и ясных глаз мне уже не встретить нигде, кроме той церкви, в которой - знаю это точно! - поет вечная девушка неземной красоты.

КРЕСТИК

Поездка в аквапарк для Димы Козина – все равно, что награда: восьмой класс позади, начались каникулы, ура! Он обожал воду, любил купаться в реке, отец научил его плавать почти профессионально, а мать любила вспоминать, как при крещении он, единственный из младенцев, не плакал, а смеялся, когда его погружал в купель отец Арсений.

Нарядный экскурсионный автобус под веселый шум одноклассников вырулил на стоянку, и вот он, парк невиданных развлечений... В свои 14 лет Дима в первый раз очутился здесь и чувствовал себя почти что в раю. Для детей аквапарк и, правда, был раем: прячась одна за другой, высились причудливые горки, в солнечных лучах струи фонтана высвечивали в летящей прохладе изогнутые радужные полосы, музыка и радостные вопли малышни соревновались напропалую.

Дима поправил крестик на шее, перевесив его, как положено, со спины на грудь, и вместе с одноклассниками ждал переодевавшуюся в кабинке учительницу.

Классную руководительницу Инну Леонидовну видеть в купальнике было странно, но Дима стеснялся не ее, а себя в плавках, и особенно девочек, гибкие фигурки которых были настолько волнительны, что он невольно отводил прямой взгляд, стараясь смотреть на них украдкой.

Инна Леонидовна пересчитала «своих» и со спокойной душой разлеглась на белом шезлонге под широким зонтом. Несколько часов она могла загорать, не волнуясь

– детский бассейн, выложенный разноцветными плитками и заполненный надувными кругами не умеющей плавать мелкоты, колыхался прямо перед ее глазами.

Дима вместе со всеми нырнул в голубовато-перламутровую воду и стал предаваться свободе движения, благо водные аттракционы в виде чешуйчатой змейки и гладкого слоника позволяли заниматься шалостями сколько душе угодно.

Спустя час не только Дима понял, что бултыхание с малышами – не самое почетное занятие для мальчиков, и вскоре целая делегация предстала перед очами «классной»:

– Инна Леонидовна, зачем нам этот лягушатник, пустите нас во взрослый бассейн, там и горка другая, со скоростным спуском!

Размякшая и расслабленная классная мама махнула рукой:

– Делайте, что хотите.

Дима вместе со всеми победно побежал к самой большой горке настоящего бассейна с глубокой водой. Несколько прыжков по ступенькам, и схватывающий дыхание ужас разбился о поверхность – вот что значит настоящий спуск!

Челночная круговерть началась. Дима и не мечтал о таком счастье – он не просто скользил по желобу, а летел: то вперед ногами, то боком, то головой. Он представлял себя сразу и летчиком, и гонщиком, и спортсменом-ныряльщиком – стекающая бурлящая вода наполняла все его существо восторгом лихости и свободного скольжения... В очередном полете вниз головой Дима почувствовал, как его серебряная цепочка с нательным кре-

стиком зацепилась за что-то и, оторвавшись от шеи, упала в воду, напоследок сверкнув, — он успел схватить взглядом всплеск от места падения.

Внутри у Димы все похолодело. Он вспомнил слова отца Арсения, сказанные им в воскресной школе: «Крестик никогда не снимать! Нательный крест — это святыня!» Слово лишенный какого-то невидимого покрова, дважды обнаженный, Дима, не раздумывая, нырнул в глубину, вдохнув как можно больше воздуха.

Верхний шум сменился приглушенным гулом — обмен воды шел постоянно, сверхмощный электромотор насоса перекачивал хлорированную массу по кругу. В расплывшемся водном слое Дима увидел опускающийся далеко и в сторону блеск — он поспешил за ним и на самом дне схватил цепочку. Но всплыть наверх уже не смог — какая-то неистовая сила потащила его к себе.

Диму стало засасывать в коллектор с отверстием слива. Он, сопротивляясь, выставил левую руку вперед, но было уже поздно — откачивающий воду насос бесстрастно заглотал Димино голову в черную пасть трубы. Дима закричал, отчаянно хватаясь за ложбинки плитки, сдирая кожу и ломая ногти, но его уже никто не мог услышать...

Тьма взорвалась яркой многоцветной вспышкой, рассыпавшейся на мелкие зеркальные осколки, боль исчезла, и наступила тишина. В спокойной облачной сини кто-то в белом нежно взял Диму за руку и повел вперед, к огромному и чистому небу...

Через два часа проходивший мимо бортика мужчина с волосатой грудью и в полосатых плавках, — чуть ли не единственный трезвый среди всеобщего пивного угара, — заметил внизу застывшее в судорожной позе тело подростка:

— Врача! Вызовите врача!

Он нырнул, не став дожидаться подмоги. Сгрудившиеся у бортов бассейна увидели, как в его углу спасатель-любитель пытался вытащить труп, но затем, бросив его и с невероятным усилием оттолкнувшись от кафельного дна, выскочил из воды как поплавок, почти по пояс. Его багровое лицо взревело:

— Выключите насос! Немедленно!

Когда спустили воду, два приехавших на вызов спасателя так и не смогли оторвать от смертельного отверстия Димино тело — лишь восемь рук смогли это сделать.

На окровавленном кафеле застывшая ладонь Диминой правой руки мучительно сжимала цепочку с крестиком...

